Шинжин И.Б.
(г. Горно-Алтайск)

СХОДНЫЕ МОТИВЫ ИЗ СЮЖЕТА ЭПОСА СКАЗИТЕЛЕЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНИХ ХУДОЖНИКОВ

Все изданные труды, отдельные статьи видного археолога М.П.Грязнова 1902 - 1984, крупного специалиста по археологии Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии, не потеряли своего научного значения и по сей день Они дышат новизной не только в теоретической, но и особенно в своей практической части.

Михаил Петрович Грязнов обладал от природы большой интуицией и она всегда помогала ему в его самых трудных научных изысканиях.

Так, например, в 1923 году в селе Батени в Хакасии случайно были найдены скудные предметы, которые относились к незапамятным временам. Тридцать лет спустя, после долгих размышлений, М.П. Грязнов по этим данным дал более подробное описание. Он определил, что данные немногочисленные находки современных археологов принадлежат к неолитическим погребениям. Каменные орудия, кости диких животных, керамика натолкнули его на мысль, что «погребение представляет собой все же хороший археологический комплекс, дающий, хотя бы и в самых общих чертах, представление о своеобразии культуры неолитических племен, населявших Абакано-Енисейские степи» (Грязнов М.П., 1953, С.332).

Обломки костей (астрагалы) древних баранов, найденные в батеневском неолитическом погребении, по сравнению с астрагалами ныне диких баранов, более мелкие. Такая незначительная разница астрагалов баран различных (до наших и наших) эр привела Грязнова к мысли об одомашнивании животных. При этом, как он высказался, основным занятием все же оставалась охота (Грязнов М.П., 1953, с.335). Данный пример из работы М.П.Грязнова поучителен для новых поколений археологов тем. что даже маленькая, незначительная деталь важна для исследования серьезных проблем в археологической науке.

М.П.Грязнов неоднократно участвовал в археологических экспедициях, особенно в регионах Южной Сибири, Казахстана. Но для нас важно то, что во время экспедиций в тех или иных регионах, в первую очередь национальных, за период раскопок курганов он близко ознакомился с обычаями, нравами, бытом местного населения. Особо интересовался устным народным творчеством. В частности, мифами и эпическими произведениями. Это доказывает одна из его больших статей под названием «Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири» (Грязнов М.П., 1965).

В данной статье Грязнов впервые, может быть, чем другие археологи Сибири, ставил вопросы об отражении в изобразительном искусстве древними художниками героической борьбы богатырей со своими врагами, рискованной охоты охотников за дикими зверями горных и лесостепных ландшафтов. Для глубокого рассмотрения этих актуальных для науки проблем М.П Грязнов знакомился с фольклором тюрко-монгольских и монголо-ойротских народов, в частности, с их героическим эпосом. А корни большей части героических сказаний уходят в глубокую древность.

Кстати, археолог сетует о том, что он знаком «с тюрко-монгольским эпосом только по переводам, часто в сокращенном виде, нередко в литературной обработке, которая всегда ради соблюдения размера, ритма и рифмы стиха ведет к отступлениям от подлинника и часто к незначительным искажениям его». (Грязнов М.П., 1965, с.8). Однако за последние двадцать с лишним лет, в связи с двуязычным научным изданием героических сказаний народов СССР, в настоящее время с Новосибирским изданием 60-томных «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» эти проблемы решались и решаются на более высоком уровне, что не приходится теперь сетовать на такие упущенные грехи.

Разумеется, М.П. Грязнов твердо знал, что фольклор в цепом, тем более эпос, не является закостенелым чем-то одним и каким-то законом устного творчества, а каждый раз остается развивающим в зависимости от исторических условий жизни народов на протяжении многих веков до наших дней. Естественно, Михаил Петрович Грязнов в тюрко-монгольских и монголо-ойротских героических сказаниях выискивал более древние черты взглядов наших предков на окружающий мир. Из наиболее древних пластов эпоса следует выделить мотивы борьбы богатырей с мифологическими существами и затем, жестокую схватку силачей со своими реальными врагами, а также сцены охоты человека за дикими зверями.

В алтайском эпосе подробно описываются сборы богатыря на войну или охоту. Он всегда одевается в военную одежду и берет с собою все боевые доспехи. Вот, например, старый богатырь Маадай-Кара из одноименного сказания решил вернуть ушедшую часть своего народа на свое становище. Однако ему придется, может быть, драться и от того так снарядился:

С шестьюдесятью двумя пуговицами
Широкие штаны, взяв, натягивает,
С чугунными подошвами в девяносто рядов
Чугунные черные сапоги натянул.
С шестьюдесятью двумя яркими, как луна,
Золотыми перламутровыми пуговицами
Горностаевую доху надел.
С семьюдесятью двумя сияющими, как солнце
Серебряными перламутровыми пуговицами
Солнечную доху надел.
С луноподобной звездой
Бронзовый с золотыми узорами шлем Взял и надел.
С солнцеподобной звездой
Бронзовым поясом, украшенным золотом,
Стал опоясываться.
С шестьюдесятью восемью пуговицами
Бронзовый с золотыми узорами

Панцирь [поверх] надел. (Маадай-Кара, 1973, с.257).
Маадай-Кара, тщательно заседлав коня, одевшись, стал в богатырские доспехи снаряжаться:
Свою темную, как безлунная ночь, пику
На крепкой спине прикрепил,
Нетупеющую стальную саблю
Взял и прицепил.
Остроконечную черную пику
На спине прикрепил.
Зеленоватую стальную саблю
Прицепил.
Боевым поясом опоясался,
Лук (на спину) надел
На колчане со стрелами
Сорока гнездо может свить,
На боевом поясе
Ворон гнездо может свить.
Конец пики сверкает,
Острие сабли блестит (Маадай-Кара, 1973, с.259).

Облачившись в богатырскую одежду и военные доспехи, герои-богатыри выходили не только на войну, но и на охоту Такое случалось в периоды разложения родоплеменного строя, оно сохранилось и в последующие периоды жизни общества. Богатыри всегда охраняли свои владения, народ, свою честь и свободу. При встрече с неприятелями, врагами они сражались до победного конца.

Ясно, что человек с незапамятных времен выражал свое видение не только в устном творчестве, но и изображал на гладких сторонах камней, скал. Естественно, все наскальные изображения, так называемые петроглифы, относятся, в первую очередь, к искусствоведению, истории, археологии, этнографии, философии, психологии, даже и фольклористике. Безусловно, часть петроглифов относится не только к заре изобразительного творчества, но и к недавним временам, когда в момент создания рисунков эстетическое переживание и наслаждение стояло уже на более высоком уровне. А часть из этих наскальных рисунков относится к ближайшим нашим столетиям, изменилась и их семантика.

С возникновением остросюжетных мотивов в эпосе и обновляется древнее изобразительное искусство. Древние художники в некоторой степени от наскальных рисунков, гравюр постепенно стали переходить к изображению своей жизни и окружающего мира на предметах бытовой принадлежности человека. Рисунки стали появляться на луках седел, на блюдцах, на ковшах, бляхах, на саркофагах-колодах, на их крышках и т.д

Из археологических находок М.П. Грязнов берет «Серебряное блюдо из Кулагыша» (Приуралье, б. Кунгурский у.), где на внутренней стороне изображен бой двух богатырей и сравнивает со сражением богатырей из эпоса. Богатыри на серебряном блюде стараются убить друг друга. «У ног их валяются поломанные мечи, палицы, щиты, боевые топоры» - писал Грязнов (Грязное М.П., 1965, с.10). По мнению Михаила Петровича поединок двух богатырей заканчивается борьбой. Рассматривая эпические сказания, М.П. Грязнов нашел в них много общего с содержанием картины на «Серебряном блюде из Кулагыша». Это, прежде всего, смертельные схватки богатырей.

Сопоставляя подходящие мотивы из сюжета эпоса с содержанием картины на «Серебряном блюде из Кулагыша», Грязнов не затронул или не заметил некоторых деталей на рисунке. Не обратил должного внимания на возраст богатырей, на их одежды, на трехглавые шлемы-шапки, на их светящийся светильник, при свете которого дерутся силачи.

Алтайские бурханисты-ярлыкчи в старину, буквально до Октябрьской революции, носили трехглавые шапки Средняя глава была выше, чем две боковые. И в течение дня хозяин три раза поворачивал свою шапку на голове по солнечному кругу: утром, в обед и вечером. То есть, если первая глава утром была на востоке, то в обед окажется на юге, а вечером на западе. Таким образом, каждый раз они менялись по кругу. Старейшины поведали, что такая трехглавая шапка была изготовлена по подобию трехглавой горы Юч-Сюмер - Белухи, иногда она называется Кадын-Бажы, где берет свое начало река Катунь. А богатыри на «Серебряном блюде из Кулагыша» как раз одеты в трехглавые шапки-шлемы. Естественно, такая шапка, во-первых, означает начало жизни, затем, во-вторых, самый зрелый возраст человека и, в-третьих, конец жизни, и снова все это вращается по кругу. Таким образом, жизнь на земле бесконечна На наш взгляд, М.П.Грязнов при рассмотрении содержания алтайского, монголо-ойротского эпоса и при анализе боя богатырей на «Серебряном блюде из Кулагыша» не учел эти факты.

Следует привести еще один пример из сюжета алтайского эпоса с соотношением изображения «охоты в лесу» из Сибирской коллекции Петра 1 (3-1 вв. до нашей эры), который анализировал М.П Грязнов Он не только вставлял в качестве иллюстрации в своей статье изображения «охоты в лесу» на золотых пряжках коллекции Петра 1, но и подробно разбирал эту «картину». Археолог писал: «На переднем плане всадник на коне преследует мчащегося кабана и стреляет в него на скаку из лука. На заднем плане с одной стороны спешившийся всадник взобрался на дерево и тянет за собой своего коня, спасающегося от зверя. С другой стороны гора, камни которой изображены цветными вставками, и сбежавший на нее горный козел, изображенный в позе спасающегося от преследования. Это, во всяком случае, непромысловая охота. Кони изображены в богатом уборе, а всадники в боевом вооружении с горитом и мечом» (Грязнов М.П., 1965, с.21).

В разборе содержания сцены «охоты в лесу» у Грязнова нет никаких кривотолков. Однако с высказыванием мысли в последних трех предложениях из взятой цитаты можно не согласиться. Во-первых, охота у ранних кочевников, тем более скифо-сарматского времени и ближе к нашим столетиям, всегда считалась основным занятием Она все время имела прямое промысловое значение. Во-вторых, еспи взять эпос, едет ли богатырь на войну или на охоту, его конь всегда снаряжается богато, а сам герой, облачившись в богатырскую одежду, всегда с собой берет боевые доспехи. Вот как собирался, например, богатырь Алтай-Буучай из

одноименного алтайского героического сказания на охоту Сначала батыр надел на голову коня золотую узду.

Белый, как хлопок, потник набросил,
Бронзовое седло с двумя крылами
Сверху, украшая, положил.
Пятьдесят подпруг крепко натянул,
Девяносто подпруг, считая, натянул,
Коня своего заседлав, приготовив,
Богатырское снаряжение стал на себя нацеплять.
Золотой самострел надел,
Колчан со стрелами надел,
Пику лунолодобную,
Саблю, как ночь, темную
Он на себя нацепил (Аптай-Буучай. 1961, с.81).

Да узда золотая, притом «с шестьюдесятью украшениями», стремена чугунные, Перед тем, как уехать на охоту, он «шесть кожаных мешков припасов приготовил». Из этого видно, что и на охоту богатырь отправлялся словно на войну. От того, как пишет М.П. Грязнов, на изображении охотник выглядит богатым А отчего богатырь, отправляясь на охоту, так тщательно вооружался, тоже ясно. Потому что на своем пути он всегда встречался с неприятелями. Порой встреча завязывалась войной и кончалась победой из двух

Теперь об охоте на кабана. Так как Грязнов конкретно не приводил мотива охоты из сюжета эпоса, мы в качестве довода из алтайского сказания «Алтай-Буучай» берем пример, где говорится о зверях и кабане, убитых во время охоты Алтай-Буучаем:

Прямозубых медведей, волков
За клыки нанизывал.
Кривоклыких кабанов
За передние ноги нанизывал (Алтай-Буучай, 1961, с.82).

Таким образом, во время охоты в горах на пути Алтай-Буучая встречаются горные и речные, хищные звери выдры, соболя, медведи, волки и кабаны. Итак, кабан при охоте богатырей в эпосе встречается

Тема охоты на кабанов (вепрь) не только фиксирована в эпосе, алтайцев, она встречается и в малых сказочно-мифических жанрах, сказках, легендах, переданная устно из века в век, из поколения в поколение, также может пополнить, подтвердить, например, часть содержания «охоты в лесу».

Охота на кабанов хорошо передана в казахской сказке «Мастер Али» (Музыка-кудесница, 1987, с 18-21). У жестокого и злого хана был сын по имени Хусаин, «молодой человек замечательной красоты и ума». Он любил охотничать в горах за дикими зверями, возвращался домой радостный и довольный, а слуги несли за ним его добычу - туши диких вепрей (кабанов).

«Но вот однажды Хусаин снова собрался на охоту в горы. На этот раз он отправился один, не взяв с собой никого из слуг. Только своему старому конюху он сказал, что едет за диким вепрем, который недавно появился в этих местах». Старый конюх, естественно «как бы не напал на тебя вепрь». Засмеялся юноша: «Разве в первый раз я отправляюсь на такую охоту?» Долго не возвращался Хусаин, обозленный его отец во все стороны отправил слуг, чтобы они искали и нашли сына, «Не скоро нашли они бедного юношу. Лежал Хусаин с растерзанной грудью под большим развесистым деревом. Видно, напал на него дикий вепрь и вонзил ему в сердце острые клыки» (Музыка-кудесница, 1987, с.19).

Таким образом, из сказки видно, кроме охоты за дикими зверями, специально и за дикими кабанами. Притом, как сказано в тексте, появились впервые на охотничьих угодьях героев. Видимо, охота за кабанами стало необходимостью заядлых охотников, для которых другие звери при охоте их не интересовало. Это видно, как горный козел отскочил в сторону - взобрался на скалу, оказавшись спасенным от погони, теперь уже оглядывается на происходящее событие. Относительно козла, одно из двух; или он долго бежал в погоне, что сейчас высунул язык, или он спокойно пасся, щипал листы растения но в данный момент резко оглянулся назад от страшного визжания кабана. Но вернее будет сказать, что он находился в погоне. Естественно, козел в таком возбужденном состоянии оживляет дополняет динамичность движений центральных фигур картины «охоты в лесу».

В алтайской легенде «Про топшуур» (двухструнный музыкальный инструмент) говорится тоже об охоте ханского сына на кабана. Долго не возвращался домой, обеспокоенный хан отправляет людей на поиски его. Люди нашли сына. Оказывается, на охоте в горах он стрелой поранил дикого кабана. Разъяренный кабан напал на охотника-парня. Напав, съел его сердце и ушел (Алтай кеп-куучындар, 1994. с.282-283).

И еще. В одной из сказок алтайцев говорится, что у хана было трое сыновей. Старший погиб на охоте, тоже напал на него кабан. Его похоронили курганным способом на поляне около реки Средний и младший сыновья хана отправились на охоту за дикими кабанами, чтобы уничтожить их и тем самым отомстить за брата Братья уничтожили этих вепрей, в честь славы сыновей хан велел всем мастерам чеканным способом нарисовать облик братье в-охотников на пластинах, пряжках поясов, на луках седел, на стременах, на бренчащих металлических пластинах подхвостников, чтобы люди из века в век не забывали героической охоты братьев - сыновей хана.

Таким образом, древняя охота за кабанами, изображенная на пряжках, пластинах дошла до нас через изобразительное искусство. Но и народная память сохранила сказки, эпос, рассказы, легенды, мифы где упоминается охота богатырей, ханов на диких кабанов. Если верить приведенным мотивам из сюжета эпоса, сказок по поводу охоты на кабанов, то права М.П.Завитухина, которая утверждает, что охотник на переднем плане, «показанный в момент совершения подвига, несомненно, относился к высшей знати, в то время как его помощник на охоте принадлежал к другой, более низкой по социальному значению группе людей» (М.П.Завитухина, 1999, с.86). Она же заметила, что «Входящие в композицию деревья своими переплетенными ветвями и направленными навстречу друг другу листьями усиливают динамичность композиции» (там же, с.82).

К этому следует добавить, что именно у переднего охотника уздечные украшения значительно богаче

своими изделиями, чем у уздечки у вздыбленного коня второго охотника-помощника Однако нужно заметить, как древний мастер-художник, индивидуализируя каждого живого и не живого предмета в большом и малом полукружии, сумел их слить в единую живую картину «охоты в лесу» Например, копыта коней, кабанов, козла й их уши, украшения нагрудных, подпружных и подхвостных ремней седла - все сделаны одинаково с формой листьев на деревьях, притом в сердцевидной форме. Даже глаза людей и животных, ноздри кабанов похожи на те же листья. А листья деревьев начинаются прямо с комля. Все кажется в движении от дуновении горного ветра. Вот почему М.П.Грязнов был неудержимо восхищен от талантливого изображения картины «охоты в лесу».

«Охота в лесу» на золотых пряжках изображена в трагедийном, но в мужественном плане. М.П.Грязнов исследовал, сопоставлял и высказывал свою версию. Естественно, он опирался и на предложение предыдущих ученых, что на пряжках изображены два эпизода из подвигов богатырей во время охоты на зверей. Грязнов одновременно восхищался «изумительным мастерством» древних художников «компоновать на малых ограниченных площадях несколько изображений» (Грязнов М.П, 1965, с.21).

Однако есть и другая версия размышлений над изображением «охоты в лесу». Нам, алтайцам, живущим в горах Алтая, эта «охота в лесу» очень близка и понятна. В ней изображены не два эпизода, а один. Дело в том, что один охотник заранее добирался на удобное открытое место. Он укрывался чуть в стороне за деревом, за камнем и ожидал подхода зверей. Охотник может залезть и на дерево, на камень, чтобы звери заранее его не заметили. Через определенное время другой охотник снизу вверх по логу (по песу) гнал зверей к тому месту, где сидит в засаде первый охотник. Тот, кто гнал снизу, создавал шум, чтобы выгнать зверей на открытое место. Когда звери выходят на открытое место, их стреляет охотник-дозор из засады. Порой стреляет в зверя и тот охотник, который гонит его к засаде Некоторые звери убегали в сторону от гона или преследования и тем самым спасались. Древний художник и это изобразил в «охоте в лесу». Горный козел спасся, он оглядывается назад, на охотника, который уже достиг на коне дикого кабана и стреляет в него.

Дело обстояло так: охотник, который сидел в засаде на дереве, оставил своего коня внизу, под деревом, тоже в укрытии. Он уже истратил все стрелы на зверей, которые мчались мимо него. Его колчан (кобура) для стрел теперь пустой. В какой-то миг выскочил из кустов дикий, хищный кабан и со страшным визгом помчался стрелой вперед и уткнулся прямо на коня в укрытии под деревом.

Охотник на дереве в этот миг зацепил лук на левую руку, которой держится за дерево, правой рукой тянет к себе повод (чембур) коня, спасая" его. А всадник (гонщик) на коне уже догнал кабана и стреляет в кабана. У него в колчане еще есть стрелы. Он убьет кабана. Таким образом, весь этот эпизод из героической жизни охотников, как выше упомянули, происходил в одно время. И данный драматический эпизод изображен древними художниками в изумительном мастерстве и реально.

К этому еще можно добавить. У коня ноздри вздулись, глаза в ярости, он встал на дыбы, передние ноги направлены вперед, но голова повернута назад из-за задержки повода. Кабан в диком бешенстве. Кабан - самец. Гривы его четко вычеканены, глаза дикие.

Таково наше прочтение изображения «охоты в лесу» на золотых пряжках и нахождение соответствующих текстов из эпоса алтайцев к данным археологическим находкам, над которыми работал Михаил Петрович Грязнов. Его исследовательские работы в этой области дают молодым археологам и фольклористам, пищу для размышлений, для поисков оптимальных решений.

Примечания

1. Алтай кеп-куучындар (Мифы, легенды и предания алтайцев. На алтайском языке). - Горно-Алтайск, 1994 -С. 282-283.
2. Грязнов М.П. Неолитическое погребение в с.Батени на Енисее - МИА, 1953. - №39 - С 332.
3. Там же - С. 335.
4. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. - АС - №3 - Л , 1965. -С. 7-31.
5. Завитухина М.П. Изображение охоты на кабана на паре поясных пластин из Сибирской коллекции Петра 1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. - Барнаул, 1999 — С.282-283.
6. Маадай-Кара. - М , 1973.
7. Музыка-кудесница. - М., Изд. во. «Музыка», 1987.
8. Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. - Горно-Алтайск, 1961 — С.79-121.